

Выставки

Кистью водит
вдохновение

Не смотрите картины на вернисажах. Не смотрите их в толчее гостей, поступать так — все равно, что говорить о любви на людях. Тайна живописного полотна откроется вашему сердцу в тишине. Одному, Бог весть, как найдет дорогу к вам такой удивительно разный белый цвет, такое разноцветное небо над звенящими куполами церквей, и собьешься, считая цвета его и оттенки, и затянет тебя эта глубокая и прозрачная заводь... Бог весть, как находит вдохновение на художника. Нет, не холодный разум водит его рукой. Как-то по телевидению художница на вопрос журналиста, откуда, мол, берет она вдохновение, живя в сером городе, без тени юмора ответила: «Из космоса». Рукой Ивана Александровича Лебедева водит явно неземная сила.

Без произведений Ивана Лебедева, пожалуй, не так много было городских, областных и республиканских выставок. И персональная выставка у него вторая. Посвящена она шестидесятилетию художника. Представлено на ней около сотни пейзажей, привезенных нынешним летом с творческой Академической дачи под Ленинградом, и десятки три старых работ. Принцип отбора прост — что сердцу автора мило, то и выставил. Назвать лучшую картину или любимую художник не решился.

Мне казалось, что был какой-то рациональный отбор картин, их расположения в зале. Но распорядился по стенам их художник по интуиции, вернее трезвого расчета, представившего его творчество.

Лебедев — многолик. Из-под его кисти выходят портреты, жанровые сцены, пейзажи и натюрморты. Но не только в разных жанрах работает художник. Он разнообразен, он словно пишет с разных палитр. Все, кто был на выставке, мне мгновенно возразят: «А пейзажи с Академической дачи, написанные в одном стиле, в одной холодной сине-зеленой гамме?»

Да, это так. Но и эти нежные картины древнего русского города Торжка, и картины лесов и рек, при общем созерцательно-философском настроении, при общей для них декоративности, разнообразны. Три ползущих серых туч над монастырем («Борисоглебский монастырь», 1991) возвращают вашу память к старинным романтическим повестям. Обилие розовых, сиреневых, желтых, голубых тонов в картинах «Утро в Торжке», «Торжок», «Река Мста», «Да-

ча. Лето в Почвино» и других представляет картину сказочную, радостную. Небывалую? Да нет же, все это видели мы в природе и восхищались не раз этой красотой, но столько же, ее не замечая, проходили мимо.

Произведения художника всегда будят цепь ассоциаций, порой связанных не только с вашими личными событиями, но и с картинами других мастеров. Его пейзаж «Мостик» напоминает творчество Борисова-Мусатова. Для Лебедева самоценны форма, цвет, оттенки; порой мне кажется, что цвет покрывала, на котором сидит натурщица («Обнаженная», 1991), или рубашки («Сашка», 1969) художнику важнее, чем сами портреты этих людей, их лица, их психология. Это не в упрек Ивану Александровичу. И лица есть, и внутренний мир этих людей обозначен, но любовь к цвету у автора настолько страстная и заразительная, что... рубашка кажется интереснее ее владельца.

Он любит цвет, и поэтому так пронзительны его незабудки, купавы, кувшинки, сирень. Столько прелести в полевых цветах, столько тихой радости ощущаешь, глядя на эти натюрморты. Но еще более властно, чем горящие синим огнем незабудки, притягивает складками спадающий белый шелк, постеленный под вазочку с цветами.

Смотр выставки обычно начинают с дальней стены. Именно она представляет разнообразие творчества Лебедева. Открывает выставку и особенно выделяется на стене портрет юноши в кресле («Сашка», 1969). Рядом сказочный пейзаж («Старая Ладога», 1972). На первом плане — обнаженное желто-зеленое

дерево без листьев; по берегам реки наклеены домики; голубые, желтые, розовые, со своречниками. И нежная охристо-розовая гамма эта представляет нам скорее пряничный городок, чем какой-то конкретный город по берегам Ладоги.

Иван Александрович не столько создает гармонию линий и цвета, сколько переносит ее из жизни на полотно. В его мастерской засохшие шляпки настоящих подсолнухов украшают стены. На картине «Подсолнухи» 1965 года несколько крупных, тяжелых от спелых семечек шляпок, как символ плодородия, лежат на пересекающихся тканях, синей, желтой, красной! Странно, что за этот натюрморт автора обвиняли в формализме.

К тканям у Лебедева особое чувство. И в картине 1970 года «Цыганка» ярким красным цветом горит юбка танцующей смуглянки.

Кто бы назвал из всего богатства цветов и оттенков любимым белый цвет? И я бы никогда не назвала. В музыке есть понятие «белый звук». Это значит — звук без окраски, неприятный звук. Но, глядя на творение рук Ивана Лебедева, из его ярких и не ярких — синих, зеленых, желтых, розовых острее всего воспринимаю белый. Ну, просто шалею от его белого цвета, потому что в его белом цвете и глубина, и масса оттенков. «Собор Иоанна Предтечи» 1972 года почти сомнение вызывает в увиденном: живопись ли это на холсте или тонкая, изящная керамика — этот светло-серый собор на фоне молочного цвета неба.

Издаലെка привлекает к себе и «Натюрморт с белой скатертью» 1968 года. На белой скатерти булка черного хлеба, чугунок, тускло-золотистая копченая рыба («Хоть и копченая, а как живая», — заметил на вернисаже мой знакомый), миска с вареной картошкой, очищенной не кругло, а ромбиками, деревянная ложка со стертой хохломской росписью, чтоб не сбивала своей броскостью впечатление от строгой черно-белых тонов. Напоминает «Едоков картофеля»? Немножко. Но нет суровости раннего реализма Винсента ван Гога. А есть радость и торжество бытия. Есть любовный, сдержанно-восторженный взгляд на простую, неприкрашенную нашу жизнь.

Иван Александрович Лебедев почти всю свою жизнь прожил в Новокузнецке, городе вполне сером и задымленном. Но, чтобы стать художником, необязательно родиться и жить в Италии. Я не спрашивала Ивана Александровича, откуда он берет вдохновение. Может, тоже из космоса. А скорее всего, он бы не смог на этот вопрос мне ответить.

Т. ТЮРИНА.